

тема, получившая в литературе того времени наименование «системы пра-йюга», или «системы употребления именных компонентов предложения, обусловленных языковой практикой», которую впоследствии стали сокращенно называть «системой конструкций» [4, у. II, р. 262—265]. Различали три конструкции: *субъектную*, где предикат согласовывался с беспослеложным субъектом, *объектную*, где предикат согласовывался с беспослеложным объектом, и *нейтральную*, где предикат выступал в застывшей форме муж. рода ед. числа ввиду маркированности и субъекта и объекта послелогом. При этом отмечалось, что субъектная конструкция выступает в несовершенных (имперфектных) формах настоящего и будущего времени, а остальные две — в совершенных формах прошедшего времени. По мнению Дж. Бимза и С. Х. Келлогга, в объектной конструкции логический субъект выступает в инструментальном падеже с послелогом *не* [4, у. II, р. 262; 6, р. 240]. Объектную конструкцию С. Х. Келлогг называл пассивной, идентичной санскритским конструкциям с пассивным причастием [6, р. 238]. Придерживаясь терминов, используемых в названных работах, мы в ходе изложения материала предложим свою терминологию.

Индийские ученые XX в. в своих грамматических сочинениях, написанных на языке хинди, в основном повторяли предложенную англичанами схему построения простого предложения (см., например [7, с. 175; 8, с. 409]). Эта схема была заимствована и некоторыми отечественными учеными. Так, Т. Е. Катенина, характеризуя три указанные конструкции, отмечает: «Глагольное сказуемое в зависимости от конструкции предложения согласуется с подлежащим или прямым дополнением в роде, числе, лице» [9, с. 84]. З. М. Дымшиц указывает, что «переходные глаголы требуют применения так называемой эргативной конструкции (конструкции с послелогом деятеля *не*), в которой подлежащее (субъект действия) оформляется не прямым падежом, а косвенным с послелогом *не*, а сказуемое согласуется в роде и числе не с ним, а с прямым дополнением, выраженным именем в форме прямого падежа» [10, т. 1, с. 283]¹.

По нашему мнению, подобная трактовка проблемы ее не решает и решить не может. В подтверждение нашей мысли приведем два примера: 1) *усне китаб ликхи* — «он написал книгу» (букв. «он + не книга написана»). Здесь, согласно приведенной выше точки зрения, *усне* — подлежащее с послелогом *не*, *китаб* — прямое дополнение, с которым согласуется сказуемое. Однако в другом примере: 2) *китаб ме иски китни бурайя ликхи хай* (Премчанд) — «В книге описаны многие его прегрешения», — согласно З. М. Дымшицу, мы имеем «подлежащую конструкцию», в которой «в центре внимания находится объект — носитель действия (подлежащее предложения), поэтому имя существительное или местоимение, выражающие его, стоят в форме прямого падежа» [10, т. 1, с. 330].

Следовательно, один и тот же позиционный компонент предложения в первом примере рассматривается как прямое дополнение, а во втором — как подлежащее, что затушевывает существо дела. Очевидно, здесь необходимо искать другие критерии описания фактического материала.

Одним из первых, кто предложил иную трактовку ЭК в новоиндийских языках, был К. Регамэ, который предложил считать единым структурным центром ЭК глагол (по Регамэ — *verbe sujet*), а все именные компоненты рассматривать как объекты (дополнения). Согласно К. Регамэ, в языках эргативного строя глагол и имя не разграничены, и поэтому глагол функционирует в них как имя [3, р. 365, 374].

¹ К сожалению, советские исследователи в то время, очевидно, не были знакомы с работой В. К. Мэтьюза «Эргативная конструкция в современных индоарийских языках», опубликованной в 1953 г. в журнале «Лингва» [11], в которой автор привел ряд аргументов в пользу активного характера ЭК. К сходным выводам пришел впоследствии В. А. Чернышев [12, с. 51—52].